

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Сальвадор Дали считал своим талисманом волшебный фонарь и видел в изображенной на нем девушке воплощение Галы, своей жены и музы русского происхождения. В наши дни фонарь нашел нового владельца, такого же безумного гения...

Мария СПАССКАЯ

Волшебный фонарь Сальвадора Дали

Артефакт & Детектив

Мария Спасская

**Волшебный фонарь
Сальвадора Дали**

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Спасская М.

Волшебный фонарь Сальвадора Дали / М. Спасская — «Эксмо»,
2016 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-89318-8

Молодой миллионер Прохор Биркин решил приобрести на аукционе занятную вещь — волшебный фонарь Сальвадора Дали, игрушку с движущимися картинками, на которых русская красавица катилась в санях-тройке по заснеженной дороге. Великий сюрреалист считал этот фонарь своим талисманом и видел в изображенной на нем девушке воплощение Галы, своей жены и музы русского происхождения. Но раритет был украден прямо с аукциона, и обвинили в этом преступлении студентку Лору, выносившую лоты. А вскоре был убит профессор-искусствовед, который устроил ее подработать на аукционе. Прохор, привыкший, что все его желания исполняются, решил отыскать фонарь, пока не подозревая, что игрушка нашла нового владельца, такого же безумного гения...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-89318-8

© Спасская М., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

1912 год, Ярославская губерния	6
Барселона, июнь 2015	15
Швейцария, 1912 год	20
Фигерас, 1913 год	29
Испания, июнь 2015 года	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Мария Спасская

Волшебный фонарь Сальвадора Дали

© Спасская М., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

1912 год, Ярославская губерния

Ситуация была безвыходная. Графиня Татьяна Андреевна вновь пересчитала деньги – одиннадцать рублей. И это все, что осталось от семисот двадцати пяти целковых, отложенных на уплату банку по закладным. Пересчитала и, протяжно вздохнув, прижалась лбом к холодному стеклу. За окном в сгустившихся ранних сумерках белели присыпанные снегом яблони, темнела знакомая с детства беседка, и, позвякивая цепью, глухо лаял старый лохматый Барон.

Невозможно было и представить, что этот старинный усадебный дом, и сад, и сорок десятин земли принадлежат их семье последние дни. Село Привольное неминуемо уйдет за долги, как ушли с легкой руки графа усадьба Каменевка и Старо-Архангельское. Разве могла графиня подумать, отправляясь на пару недель к сестре в Питер, что, вернувшись в свое имение, застанет все в таком виде? Резко обернувшись, Татьяна Андреевна обвела сердитым взглядом темный парадный зал со следами многодневной попойки и с ненавистью уставилась на похрапывающего на диване мужа. Александр, воспользовавшись отсутствием супруги, устроил совершенный бедлам.

Едва подъехав к усадьбе и увидев в будке вместо старого верного Барона свернувшегося на снегу урядника, графиня сразу же почувствовала неладное. Урядник спал, и спал настолько крепко, что не проснулся даже от топота прогарцевавших мимо наемных лошадей, доставивших Татьяну Андреевну со станции в Привольное. Дворня отчего-то жалась по углам, и встречать хозяйку вышел только заспанный мальчишка с кухни. Удивляясь, отчего среди белого дня наступило сонное царство, графиня прошла в дом и чуть не споткнулась о распластавшегося на пороге дьякона из соседнего Расторгуева. Несмотря на ужасающий холод и сквозняки, гуляющие по нетопленным комнатам, духовное лицо посапывало на полу в дезабилье, подложив под голову скомканную рясу.

Перешагнув через спящего гостя, хозяйка прошла сквозь буфетную с начисто опустошенными шкапами, брезгливо окинула взглядом привалившегося в беспамятстве к стене приказчика Тихона в несвежей нижней рубаше и в засаленном котелке. Пытаясь найти мужа среди анфилады комнат, графиня перешигивала через катающиеся по полу пустые бутылки и прикрывала нос надушенным платком – запах перегара был так густ, что его, казалось, можно было резать ножом. Повсюду на темной лаковой мебели валялись предметы туалета и стояли тарелки с объедками и полупустые хрустальные бокалы.

Мужа Татьяна Андреевна обнаружила в парадном зале. Одетый во фрачную пару, граф стоял перед огромным, во весь простенок, разбитым зеркалом, переступая босыми ногами по битому стеклу и рассматривая свое изображение в уцелевший зеркальный осколок, бивнем мамонта свисающий с массивной золоченой рамы. На левой руке его была надета желтая замшевая перчатка, а другой рукой, без перчатки, граф держал коллекционную дамасскую саблю, одну из тех, что в живописном беспорядке были развешаны на стенах его кабинета. Еще не заметив появления жены, граф размахнулся и рубанул по остаткам зеркала, едва успев увернуться от рухнувшей из рамы острозубой махины. Негромко выругавшись, Александр обернулся и только тогда увидел графиню.

– Татьяна Андреевна! – обрадовался он. – Как вовремя! Душа моя, такое горе! Деньги в доме совершенно закончились. Не будьте букой, пошлите за шампанским!

– Где Вера? – сухо осведомилась графиня Каменева.

– Гостит у этой. У своей. Курсистки Сонечки, – промямлил граф, приближаясь к дивану и медленно оседая на него, точно ослабев от беседы с женой.

Стараясь держать себя в руках, Татьяна Андреевна развернулась и, предвидя катастрофу, устремилась к кабинету. По пути она заглянула в людскую, распорядилась прото-

пить дом, отправить гостей восвояси и послать к соседям за дочерью. Распахнув дверь кабинета, графиня сразу же направилась к столу и, выдвинув нижний ящик, достала то, что осталось от отложенных на оплату векселей денег. Одиннадцать рублей! И это все?

Зажав в кулаке оставшиеся деньги, помещица заторопилась обратно, к Александру, желая получить разъяснения. Но супруг уже спал на диване, прижав к груди саблю и сверкая в отблесках свечи битым стеклом на босых ступнях. Пройдя сквозь гостиную, Каменева застыла у окна, глядя на сгущающиеся сумерки, дожидаясь дочери и размышляя, где раздобыть недостающую сумму.

За окном раздался оглушительный грохот, и небо расцветилось тысячами ярких огней. Затем еще раз. И еще. Графиня набожно перекрестилась, пробормотав:

– Господи, помилуй! Час от часу не легче! Не хватало нам фейерверков! Еще лес спалят.

Грохот доносился из пустующей усадьбы Григорово, выставленной на продажу за долги. И по всему выходило, что кто-то в отсутствие Татьяны Андреевны купил соседнее имение и нынче празднует новоселье. Закружились тоскливые мысли на тему предстоящего визита в банк с просьбой об отсрочке по закладным. Вероятнее всего, отсрочку не дадут, ибо Привольное уже заложено-перезаложено, и в скором времени имение выставят на продажу, и новые хозяева их усадьбы так же, как нынче в Григорово, будут давать салют в свою честь. Погруженная в невеселые размышления, графиня стояла у окна до тех пор, пока семнадцатилетняя Вера не ворвалась в гостиную, радостно кинувшись на шею матери. Отстранившись от дочери, графиня холодно спросила:

– Почему ты мне не написала?

– О чем, мама? – округлила глаза девушка.

– Обо всем этом свинстве, – Татьяна Андреевна театрально обвела комнату рукой. – И что отец пропил деньги, отложенные для банка.

– Но, мама, откуда мне было знать? Как только вы уехали, я сразу же перебралась к Сонечке. У них так весело! Каждый день гости! А вчера была новая соседка, Ангелина Ливищиц, ее семья на днях поселилась в Григорово. Та самая Ангелина Ливищиц! Представляете, мама? Сошедшая с небес дочь шоколадного короля!

История с девочкой-ангелом в свое время наделала в Москве немало шума. Кондитерская Бенедикта Ливищица на Никольской улице ничем не выделялась среди прочих заведений подобного рода до тех пор, пока однажды теплой летней ночью под двери магазинчика не подбросили корзинку с новорожденной малышкой. Закутанная в розовые пеленки, крохотная девочка была довольно мила, и обнаруживший ее ранним утром Бенедикт счел это знаком судьбы и решил оставить малышку себе. А развернув пеленки, так и ахнул – на спинке у младенца были крылья!

Падкие до сенсаций журналисты тут же расписали этот случай во всей красе, и в кондитерскую на Никольской толпами повалили покупатели, желая лично увидеть то самое крыльцо, на котором стояла корзинка с крылатой девочкой, и на добряка-немца, удочерившего маленького ангелочка. Хозяин был рад каждому любопытному и не только охотно рассказывал, но и показывал всем желающим крохотную Ангелину – так он окрестил свою названную дочь.

На фоне шумихи вокруг подкидыша бизнес коммерсанта пошел в гору, и вскоре немец открыл несколько новых магазинов в Москве и Санкт-Петербурге. И даже построил кондитерскую фабрику, назвав ее своим именем. Вскоре фабрика Ливищица получила мировую известность, ибо владелец ее не только производил отличные конфеты, но и умел их выгодно подать. Изделия упаковывались в красивые коробочки, отделанные шелком, бархатом и кожей, с витиеватой надписью: «Бенедикт Ливищиц, Товарищество паровой фабрики шоколада, конфет и чайных печений». Расчет был на то, что эти коробочки, расписанные такими замечательными художниками, как Врубель, Бакст и Бенуа, рачительным хозяевам будет

жалко выбрасывать, и, стоя на полках, упаковки от сладостей послужат напоминанием о фабриканте и его продукции.

С этой же целью выпускались яркие географические карты с подробной информацией об изображаемой стране и неперенной фирменной подписью Бенедикта Лившица. Позже в коробки с конфетами и печеньем стали вкладывать коллекционные открытки, составляющие серии бабочек, птиц, рыб, первобытного строя, костюмов народов мира, художников и их картин. Затем коммерсанту пришла в голову еще более замечательная идея – сочинить для каждого сорта «конфет» свою музыку, а ноты вложить в те самые красивые коробочки с фирменным логотипом. И вскоре талантливый композитор, специально приглашенный на фабрику, уже сочинял «кондитерские мелодии» – «Кекс-галоп», «Вальс-монпасье» и «Танец какао».

К совершеннолетию Ангелины фабрика ее приемного отца уже имела несколько наград Всероссийских мануфактурных выставок, получила Гран-при на Всемирной выставке в Париже, и Лившиц даже удостоился звания поставщика двора Его Императорского Величества. Бенедикт, слывущий большим оригиналом, был уверен, что удачу ему принесла крылатая дочь. Она часто появлялась на балах и торжественных приемах, и под платьем с неизменно закрытой спиной проступал небольшой бугорок, глядя на который злые языки уверяли, что это совсем не крылья, а горб. Но немец только отмахивался от досужих сплетен – болтайте что хотите, я-то знаю!

Чтобы не прогневать небо, пославшее ему ангела, шоколадный король не скупился на благотворительность. С каждого проданного фунта печенья Лившиц жертвовал пять копеек серебром, из которых половина суммы поступала в пользу богоугодных заведений Москвы, а другая половина – в пользу Немецкой школы для бедных и сирот. Кроме того, в одном из доходных домов, принадлежавших шоколадному магнату, безвозмездно проживали и столовались немилые студенты московских институтов.

– И что же, девушка и в самом деле крылата? – вскинула тонкую бровь Татьяна Андреевна, припоминая историю Ангелины.

Вера залилась румянцем и, пожав плечами, смущенно улыбнулась:

– Не знаю, маменька. Мне показалось, что она просто немного сутулится. Представляете, Ангелина вышла замуж за того самого часовщика, ну помните, Сержа Кутасова! Того Кутасова, что создал единственные в мире говорящие часы!

Увидев недоумение в глазах матери, Верочка торопливо принялась объяснять:

– В газетах писали, что Кутасов сделал часы, которые отвечают на любые вопросы! Вот что ни спросишь, они все знают!

– Всего знать невозможно, даже часам. Что за чушь пишут газеты?

– Вероятно, часы эти какие-то особенные. Может быть, даже волшебные. Впрочем, я не знаю. Я их не видела. К ним очередь стоит через всю Никольскую до самого магазина Лившица, туда не протолкнешься.

– Ну конечно, Кутасов свои удивительные часы в магазине у тестя разместил, – усмехнулась графиня. – Чтобы побольше клиентов заманить. Бог с ними, с часами. Ты лучше вот что, Вера, скажи, коротко ли вы сошлись с Ангелиной?

– Виделись всего один раз. А что, мамочка?

Громко стуча пятками по паркету, мимо пробежала босоногая девчонка, зажигая в доме фитили ламп. Глядя на растрепанную фигуру прислуги, мелькнувшую в дверном проеме буфетной, Татьяна Андреевна приняла решение. Она подобрала юбки и направилась в сторону прихожей, строго распорядившись:

– Одевайся, Вера, поехали!

– Куда, мама? – растерялась дочь.

– В Григорово! Нанесем соседям визит!

– Да нет, ну что вы! – испугалась Верочка. – Я не поеду! С Кутасовым так я и вовсе не знакома.

– Перестань говорить ерунду, – отрезала графиня. – Что тут такого особенного? Мы поедem к соседям познакомиться и по-соседски возьмем у них в долг.

– Как в долг?

– Да, моя милая! – Графиня обернулась и, уперев руку в бок, пристально посмотрела на Веру. – Возьмем у них в долг! И просить будешь ты! На правах подруги Ангелины! Кто она такая? Безродная выскочка! Ей будет лестно, если дворяне придут к ней на поклон. Дочь кондитера не посмеет тебе отказать! Тихон, – растолкала она приказчика, – вели запрягать лошадей!

Через несколько минут сборы были закончены, мать и дочь Каменевы вышли во двор. Смеркалось. Большинство домов Привольного стояли темными, в окнах слабо теплились лишь фитильки лампадок – крестьяне экономили на свечах даже в канун Рождества, и только окна барской усадьбы светились огнями канделябров. Зазвенела цепь, залаял Барон, Татьяна Андреевна и Верочка усаелись в сани, и графиня ткнула кучера в бок:

– Не стой, Савелий! Поехали!

– Н-но, развеселые! – прикрикнул на лошадей Савелий, нахлестывая гнедых по бокам.

С трудом перебирая копытами, худые лошадки, направляемые твердой рукой возницы, устремились к окраине села. Переливаясь и искрясь, под полозьями саней серебрился выпавший за день снег. Сугробы лежали пушистыми холмами по обе стороны плотно укатанной проселочной дороги, ведущей к проезжему тракту, тянущемуся от Москвы до самого Архангельска. Бескрайняя белая равнина простиралась на многие версты, заставляя седоков в санях щуриться на снег. Издалека, из-за леса, долетали звуки гармоник и звонкий девичий смех – это григоровские крестьяне в честь новоселья господ устроили гулянья на берегу реки. До усадьбы соседей оставалось всего ничего – проехать мимо леса да пересечь мостик через речку Зыбь, когда вдруг в крики гуляющих впелся волчий вой, протяжный и жуткий. Возница обернулся через плечо и хмуро обронил:

– Слышите, барыня, как волки озоруют! Надьсь Егорку-охотника с ближней заимки сожрали. Можя, назад поверотим?

Испуганно глянув на чернеющие заросли леса, пролетающие мимо саней, Татьяна Андреевна тоненько вскрикнула:

– Какой назад! Почти приехали! Гони скорее, Савелий! Гони что есть мочи!

И, откинувшись на спинку сиденья, крепко зажмурив глаза, громко зашептала, сложив озябшие ладони лодочкой на груди:

– Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое...

– Ничего, барыня, у меня ружжо на всякий случай имеется, – бормотал Савелий, успокаивая не столько графиню, сколько себя.

Молитве матери тихонько вторила Верочка, пристально всматриваясь в черный перелесок, и ей казалось, что среди деревьев то тут, то там вспыхивают огоньки голодных волчьих глаз.

Усадьба Кутасовых внезапно вынырнула из-за холма, играя в легких сумерках на фоне белого снега кремовой штукатуркой, точно изящная шкатулка слоновой кости на крахмальной скатерти. Особняк окружала величественная кованая ограда, вытянутая ажурной полосой над каменным белым цоколем. Сразу за домом простирался обширный темный парк. Въехав в литые ворота, распахнутые по случаю гуляний, лошади пробежали по утоптанной снежной аллее к сияющему огнями дому и остановились у выгнутой подковой лестницы. К прибывшим тут же устремился вышколенный дворецкий-эффиоп. Несмотря на изрядный мороз, он был в одной лишь зеленой ливрее, шелковых панталонах и туфлях с массивными пряжками.

– Как доложить прикажете? – учтиво спросил африканец на чистейшем русском языке, помогая дамам выбраться из саней. Тем временем расторопный конюх Кутасовых вместе с Савелием отводит запыхавшихся лошадок к коновязи у конюшен.

Шестуя по лестнице особняка, графиня Каменева подала эфиопу визитку, и дворецкий, обогнав приехавших, вбежал в прихожую, потоптал по мраморному полу, оббив с туфлей налипший снег, и устремился в комнаты. Через пару минут из-за двери, за которой он скрылся, показалась степенная горничная и низким голосом вымолвила:

– Барыня просить велели. Пожалте в гостиную.

Гости двинулись следом за провожатой. Из глубины дома доносилась музыка. Миновав несколько высоких просторных комнат, со вкусом обставленных изящной светлой мебелью, они оказались в гостиной, из которой и плыли божественные звуки. За роялем в центре зеленой комнаты, освещенной лишь пламенем камина, сидела худенькая девушка с черными кудрями, забранными в небрежную прическу, и с упоением музицировала.

– Добрый вечер, милая! – пропела с порога графиня, с любопытством рассматривая обращенную в сторону дверей спину хозяйки. Сквозь ткань платья и впрямь просматривалась вполне приличная выпуклость. Звуки музыки смолкли, и Ангелина поднялась навстречу гостям.

– Верочка! – с теплотой в голосе воскликнула она. – Как же я рада вас видеть! Прошу прощения, когда играю «Лунную сонату» Бетховена, не могу оторваться. Я имею счастье видеть вашу мамушку?

Девушка была мила и непосредственна, и очень молода. Верочка кивнула, смущенно улыбаясь.

– Позвольте представиться, – церемонно проговорила Татьяна Андреевна. – Графиня Каменева.

– Очень приятно! Я Ангелина Ливишиц, теперь уже Кутасова.

Серые глаза Ангелины лучились счастьем, смуглые щеки тронул едва заметный румянец.

– Вы великолепно играете, дитя мое, – сказала Каменева, продвигаясь в глубь комнаты и подталкивая перед собой дочь. – Надеюсь, мы будем не просто соседями, а сделаемся добрыми друзьями.

– Очень хорошо, что вы приехали, – искренне улыбнулась хозяйка. – Серж постоянно занят, и я все время одна. Вы видели салют? Серж думал меня развлечь, когда приказывал устроить фейерверк после обеда, но мне без него совсем не весело. Прошу вас, проходите, присаживайтесь. Не угодно ли кофе? Или, может быть, лафиту? За знакомство?

Ангелина заговорицки подмигнула.

– Премного благодарна, с нас будет довольно и кофе, – с надменным видом отказалась Татьяна Андреевна, располагаясь на диване и пристально следя за дочерью, что устроилась в кресле.

Хозяйка обернулась в сторону двери и крикнула:

– Глафира! Скажите Джою, чтобы приготовил кофе!

Вскоре на столе появился серебряный поднос с турецким сервизом. Подхватив двумя пальцами крышку изящной сахарницы, Ангелина взяла специальными щипчиками кусок рафинада и опустила в крохотную, будто игрушечную, чашку, сверху залив ароматным напитком из покрытого тонкой вязью кофейника. По комнате пополз терпкий аромат. Татьяна Андреевна отметила, что на пальце у девушки кольцо с бриллиантом небывалой величины. Ангелина, улыбаясь, передала госте чашку.

– Джою варит дивный кофе. Слуга попал к нам из Африки и знает толк в этом напитке. Очень вкусно со сливками! И конфеты берите, это папины. Я больше всего «Галу»¹ люблю.

¹ Gala (фр.) – праздник.

– Я тоже ужасно люблю «Галу», – сообщила непосредственная Верочка, разворачивая конфету и отправляя себе в рот. – «Гала» самая вкусная. Все время в кондитерской на Яузских Воротах покупаю.

– Есть в этом названии что-то радостное, вы не находите? – подхватила Ангелина. – Серж меня так называет. Гала. Муж говорит, что я – девочка-праздник.

– Позвольте, я тоже отведаю, – заулыбалась Татьяна Андреевна, вытягивая из вазочки конфету в нежно-голубой обертке. – Вы так нахваливаете, что невозможно устоять. – Развернув и откусив кусочек, женщина закрыла глаза и блаженно протянула:

– Божественно!

– Невероятно вкусно! – подхватила Вера, рассматривая картинку на фантике второй конфеты. С фантика смотрела точная копия Ангелины – едущая в санях на тройке сероглазая румяная девица, из-под белой шапочки у нее выбилась темная вьющаяся прядь волос. Нос, губы, овал лица на картинке в точности повторяли лицо хозяйки дома.

– Ой! Ангелина, как картинка на вас похожа! – вырвалось у Веры.

– А это и есть я, – без тени кокетства ответила девушка. – Художник Врубель специально с меня рисовал, чтобы сделать папе приятное.

– Ваш папа такой оригинал! – лстиво заметила Татьяна Андреевна. – Одни расписные дирижабли с его именем над Москвой-рекой чего стоят!

– Это ерунда по сравнению с тем, что сейчас для папиных магазинов задумал сделать Серж! Это будет фантастично!

– Ужасно интересно! – оживилась Верочка. – Умоляю, расскажите!

– Мы придумали поставить в кондитерских специальные конфетные аппараты в виде движущихся фигурок дам и господ. После того как в специальный ящичек покупатель опустит монетку, механические мужчины будут снимать шляпы и, раскланиваясь, протягивать коробку конфет, а механические дамы посылать воздушные поцелуи и делать реверансы, отдавая вашу покупку.

– Невероятно! – восхитилась графиня. – Просто не верится! Людям с такими средствами, как у вас, подвластны любые фантазии!

И, сменив оживленный тон на трагический, горестно вздохнула:

– А вот у нас, милейшая Ангела, дела совсем плохи. Последние денечки в своем имении доживаем. Если на днях не заплатим по векселям, Привольное заберут за долги. Одна надежда на вас. На вас и вашу доброту. Не ссудите ли вы нам с Верочкой тысячу рублей? В следующем месяце мы непременно вернем.

Ангелина всплеснула руками, но, виновато посмотрев на гостей, смиренно проговорила:

– Я очень хочу вам помочь! Но сама я средств не имею, деньгами распоряжается муж. Вечером я непременно побеседую с Сержем, а завтра дам ответ.

Однако Татьяну Андреевну это не устраивало, и она горестно воскликнула:

– Ах, какая беда! Увы, завтра будет уже поздно. Если мы сегодня не найдем деньги – все пропало.

– Что же делать? – совсем растерялась Ангелина, не зная, как утешить гостью.

– Может быть, вы проводите нас к вашему супругу, и мы с ним объяснимся?

– Серж в лаборатории, он работает и никого к себе не пускает! – чуть не плача, проговорила хозяйка. – Это во флигеле, туда сложно добираться. Идет ремонт. Мне, право, неловко...

– Умоляю, милая Ангелина, спасите нас! Поймите, если вы нам не поможете, Верочке и мне негде будет жить и нечего есть! Проводите нас во флигель! Дайте поговорить с Сержем! Не лишайте последней надежды! Дитя мое, ситуация настолько ужасна, что промедление смерти подобно!

– Да-да, я понимаю, – молодая женщина поднялась с кресла и после секундного раздумья встала на ноги. – Ну что же, коли так, пойдёмте со мной.

Легким шагом она устремилась к противоположным от входа дверям, распахнула притворенные створки рядом с дубовой панелью и двинулась по узкому темному коридору, кое-где освещенному лишь факелами на стенах. Каменевы торопливо направились за хозяйкой. Вскоре коридор перешел в грубо сработанный переход из красного кирпича, еще не отделанного штукатуркой. Пол был вчерне выложен из сосновых досок и ходил под ногами ходуном. Переход оказался низким и длинным, доходил до винтовой лестницы, поднявшись по которой можно было обнаружить низкую стальную дверь, обитую медными полосами. Приблизившись к двери, Ангелина стукнула кулачком в стальную обшивку и, не дожидаясь ответа, потянула ручку на себя.

Дверь поползла в сторону, и в открывшемся круглом помещении пришедшие увидели высокого статного молодого мужчину с одухотворенным лицом и в кожаном фартуке, повязанном поверх светлых холщовых штанов и льняной рубахи. Стены мастерской пестрели циферблатами всевозможных часов, издающих разноголосое тиканье, но мастер не обращал внимания на раздражающие звуки. Стоя перед опоясывающим круглую комнату столом с полированной столешницей, Кутасов сосредоточенно мастерил что-то из медных пластин.

– Ой! Какая прелесть! Серж! Что же это будет такое? – Ангелина шагнула к мужу, но была остановлена его грозным окриком:

– Гала! Зачем ты? Я же запретил, когда работаю, заходить ко мне в мастерскую! А тем более приводить сюда людей! Убирайтесь вон! Пошли все отсюда!

Часовщик расцепил руки жены, обвивавшие его шею, и буквально вытолкнул ее прочь. В центре помещения перепуганная графиня успела заметить страшный стальной скелет, одновременно похожий на человека и на насекомое. Женщины и сами не успели понять, как снова оказались перед запертой дверью, на лестнице.

– Так грубо со мной никто никогда не разговаривал! – первой подала голос графиня Каменева, торопливо спускаясь по лестнице и задыхаясь от быстрой ходьбы.

– Прошу вас извинить Сержа, когда он работает, то никого не желает видеть, – оправдываясь, проговорила хозяйка дома, с трудом поспевая за ней. – Серж опасается происков конкурентов, неоднократно подсылавших к нему своих шпионов, чтобы завладеть тайнами мастерства.

Вера молча спускалась следом, проклиная себя за то, что послушалась мать и попала в столь неприятную ситуацию.

– Вашего мужа это не оправдывает! – тяжело шагая по ступеням, категорично заявила Татьяна Андреевна. – Какая из меня шпионка! Я в механике смыслю не больше, чем в свиноводстве. И, кроме того, существуют нормы приличия, которые принято соблюдать в благородном обществе! И ваш муж, дорогая моя, с этими нормами незнаком! Вера, не отставай! Потопрапливайся! Мы немедленно едем домой!

И, одолев последние ступени, графиня вместе с дочерью устремилась по переходу в обратном направлении. Гневно стуча каблуками по дощатому полу, они миновали узкий коридор, стремительно прошли комнаты, ненадолго задержавшись лишь в прихожей, надевая шубы. Хозяйка их не провожала. Она отстала в одном из будуаров, и обиженная Татьяна Андреевна не собиралась ее ждать, чтобы проститься, и торопила Верочку. Но уже у выхода Ангелина их нагнала, она держала в руках запечатанный конверт.

– Вот, возьмите! – проговорила она взволнованно. – Искренне хочу вам помочь! Помочь, чем только могу.

– Ах, оставьте! – отмахнулась было графиня, но Вера укоризненно посмотрела на нее. И Каменева взяла потный конверт и молвила, почти не разжимая губ: – Благодарю.

Заметив, что Ангелина прощается с гостями, дворецкий деликатно осведомился:

– Барыня, вы не передумали кататься? Коня запряжены и ждут!

– Да-да, сейчас, только оденусь! – отозвалась новая владелица усадьбы Григорово. И, обернувшись к гостям, совсем по-детски взмолилась: – Верочка, Татьяна Андреевна! Очень вас прошу, давайте забудем обиды! Поехали кататься! У меня лучшие лошади в столице, папа подарил на прошлый день рождения. Ну, пожалуйста!

Вера вопросительно взглянула на мать, но та, ощущая в руке упругость конверта и желая как можно скорее взглянуть на его содержимое, была непреклонна:

– Спасибо, милочка. В другой раз мы обязательно прокатимся вместе с вами, но сейчас нам необходимо как можно скорее ехать домой.

Простившись с хозяйкой, они покинули особняк и, выйдя в вечернюю тьму, устремились к сани. Присыпанные снегом, сани Каменевых стояли недалеко от хозяйской упряжки и рядом с ее роскошным убранством выглядели немногим лучше наемной кареты. С трудом сдерживаясь, чтобы прямо во дворе не заглянуть в конверт, графиня спрятала подарок в меховой отворот рукава и, посмотрев на дочь, усевшуюся напротив, прикрикнула слуге:

– Савелий, трогай!

В сумерках отдохнувшие и подкрепившиеся сеном кони резво бежали по ночной заснеженной дороге. Где-то совсем рядом раздался волчий вой, и графиня вновь принялась молиться. Но при этом она ощупывала содержимое конверта и с радостью чувствовала под пальцами хрусткие бумажки. Въехав во двор своего имения, Татьяна Андреевна проворно выбралась из саней и устремилась к дому. Верочка семенила за ней. Графиня остановилась под фонарем парадного и под пристальным взглядом кучера вытянула конверт из рукава, оторвала трясующимися от нетерпения пальцами полоску бумаги и вынула несколько белых квитанций.

– Что? Что такое? – не веря своим глазам, разочарованно воскликнула она. – Вера! Верочка! Горбунья над нами издевается! Дала билеты на рождественский благотворительный бал при фабрике Ливинца! И это вместо денег! Какая неслыханная наглость!

Кучер что-то неразборчиво проворчал, цокая языком и сокрушенно качая головой, и поплелся к коновязи. Устало понутив головы, мимо барского дома лошади протащили заснеженные сани, но поглощенная обидой графиня не заметила выехавшую за ворота упряжку. Всю ночь, сердясь на мужа за богатырский храп, она ворочалась без сна, собираясь с первыми же лучами солнца отправиться к Кутасовым и швырнуть конверт в лицо заносчивой нахалке, посмеявшейся над ее горем.

Так и не сомкнув глаз, Татьяна Андреевна ранним утром велела запрячь лошадей и, усевшись в сани, поехала к соседям. Добравшись до ворот усадьбы Григорово, графиня, к своему удивлению, нашла их распаханутыми. Коня пронесли по аллее, ведущей к особняку, и замерли посреди двора. Во дворе царил суматоха. С лицами, сосредоточенными и испуганными, туда-сюда сновали слуги и на все вопросы графини лишь только отмахивались. Татьяна Андреевна поднялась на крыльцо. Навстречу вышел давешний араб-дворецкий. Губы его тряслись, лицо было пепельно-серым.

– Любезный, – стараясь не смотреть на чернокожего слугу, надменно вымолвила Татьяна Андреевна. – Доложи хозяйке: графиня Каменева желает ее видеть.

– Никак невозможно, – чуть слышно пробормотал дворецкий. – Молодая госпожа после вашего ухода поехали кататься на лошадях, да не вернулись. Ночью снарядили людей на розыски и только под утро нашли перевернутые сани и рваное тряпье – все, что осталось и от хозяйки, и от коней. Волки их загрызли.

Дикий, нечеловеческий крик вырвался из флигеля и пронзил утреннюю тишину. Крик перешел в горький плач.

– Хозяин убиваются, – сокрушенно пояснил дворецкий. – Пойду. Как бы чего над собою не сделали.

Скомкав конверт, Каменева небрежно кинула бумагу у крыльца и торопливо вернулась к саням. Устраиваясь поудобнее на сиденье, хотела отдать распоряжение трогать, но кучер вдруг обернулся и, хитро подмигнув, проговорил:

– Я так смекаю. Волки, надо понимать, уже потом свое дело сделали. А сперва мой пыж из этого вот ружьишка, – он кивнул на свой сивый тулуп, под которым угадывались контуры ружья, – горбунью изрешетил.

Графиня испуганно прижала руку в перчатке ко рту, а Савелий, погрозив неизвестно кому кнутом, строго заметил:

– А не заносись высоко, птишка! Оказали тебе уважение – и ты людей уважь. Дай денег, коли просят. Ну, а коли ты к нам по-плохому – и тебе по-плохому выйдет.

Барселона, июнь 2015

Кристина отложила смартфон на прикроватный столик, потянулась и откинулась на прохладный шелк подушек. Вне всяких сомнений, номер отеля «Шератон» был одним из немногих мест в Испании, где в это знойное утро жара не сводила с ума. Но, кроме нестерпимой духоты, существовала еще и скука, и если выбирать меж двух зол, то жару в отличие от скуки можно было бы и потерпеть.

В Испанию Кристина приехала с мужем, долларовым миллиардером Прохором Биркиным. Корпорация Прохора, не без иронии названная им «ПроБиркин» и начинавшаяся с какой-то ерунды, со временем обзавелась собственным банком, тысячами гектаров земли в Московской области и невероятным количеством квадратных метров жилой и коммерческой недвижимости в Москве и Питере. Неравнодушный к спорту, Прохор не так давно купил испанский баскетбольный клуб и теперь обитал в Барселоне, проверяя приобретение в деле. Само собой, что дома, в Москве, в просторной квартире на Полянке, было бы гораздо комфортнее, но оставлять без присмотра Прохора, увлекающегося, жадного до жизни и склонного к рискованным авантюрам, было бы по меньшей мере глупо. Мысль о том, что рядом с ее Прохором может оказаться другая, в последнее время неотступно преследовала Кристину, отравляя существование.

Дело было вовсе не в деньгах. Кристина и сама происходила из семьи, мягко говоря, не бедной, и в случае развода по миру бы не пошла. Она просто любила этого некрасивого худого парня с острым кадыком на жилистой шее, шапкой жестких курчавых волос, любила так, что в глазах темнело от ужаса и боли, когда Кристина представляла свое будущее без него. Увидев как-то Прохора в компании общих друзей, Кристина была шокирована, что бывают такие некрасивые люди, которые даже не стремятся хоть капельку себя приукрасить. Парень сильно отличался от окружающих ее юношей, что каждый сезон словно перелетные птицы устремлялись по весне в сторону Милана, чтобы приодеться в точном соответствии с рекомендациями глянцевого мужских журналов. Кристина привыкла к тому, что знакомые старательно демонстрируют друг другу атрибуты статуса, меряясь бриллиантами, швейцарскими часами, спортивными машинами и пентхаусами в центре столицы.

Прохор же был невероятно далек от снобистского пафоса, носил приспущенные на тощем задку потрепанные джинсы, футболки с забавными принтами, поверх которых нараспашку надевал комфортную байковую рубашку в крупную контрастную клетку, и забирал непокорные кудри спиральным обручем. В первый момент, когда их только представили друг другу, он на Кристину даже не взглянул, лишь кивнул отстраненно, продолжая сверлить взглядом лежащий на коленях светящийся планшет.

Амбициозную красавицу, привыкшую к изысканным комплиментам, это изрядно задело, и Кристина задалась целью растормошить угрюмого молчуна. И в процессе выполнения поставленной задачи неожиданно для себя открыла, что Прохор уникален. Он говорит лишь то, что думает. Обязательно делает то, что обещал. И отвечает за свои слова. Да, черт возьми, с ним просто интересно, ибо Биркин как минимум дважды в неделю генерирует оригинальные идеи. А сформулировав, просчитав и признав рентабельной, тут же берется за реализацию проекта.

Как-то, проезжая мимо поля для гольфа, Прохор обратил внимание на вопиющее безобразие, творимое дикими гусями. Коварные птицы стаяй зависали над игроками и атаковали их продуктами своей жизнедеятельности. И тут же в голове бизнесмена родилась идея «Гусиной полиции ПроБиркин». Были привлечены специалисты, просчитаны возможные риски, запущен бизнес-проект, и через некоторое время на поля для гольфа выпустили подразделения собак породы бордер-колли, не дающих наглым птицам безнаказанно творить зло.

В другой раз, задумав перебраться в новый офис, Прохор столкнулся с проблемой перевозки трехметровых растений в дубовых кадках. Диспетчеры транспортных компаний категорически отказывались браться за это дело, и только в одном месте согласились организовать переезд, пошутив, что растения – это еще ничего, это они осияют, а вот однажды в их фирму позвонили клиенты и спросили, нельзя ли перевезти небольшой такой зоопарк со слоном и жирафами. И Прохор тут же решил заняться этим бизнесом – перевозкой зимних садов и зоопарков, назвав вновь образованное подразделение своей компании «ПроБиркинZООпереезд».

Идей было много, и все – одна оригинальнее другой. Энергии Прохора можно было только позавидовать. Он затевал все новые и новые дела. И по мере того, как росли и множились его проекты, увеличивалась и популярность Биркина. Его приглашали на ток-шоу, звали в члены жюри всевозможных конкурсов, его портретами пестрел Интернет. Как-то чета Биркиных гуляла по Манежной площади, и к ним вдруг подбежала ярко накрашенная нетрезвая девица и, бросившись Прохору на шею, стала его целовать, истосно выкрикивая:

– Я люблю тебя, ПроБиркин! Я хочу от тебя ребенка! Трахни меня прямо здесь!

Кристина в изумлении смотрела на полоумную девку все то время, что Прохор отрывал поклонницу от себя и передавал на руки ее подросшим приятелям. Парни извинялись на разные голоса, с трудом удерживая разбушевавшуюся подругу, а Кристина с пронзительной ясностью вдруг осознала, что счастье ее невероятно хрупко и в любую секунду может закончиться. Это при Кристине муж делал возмущенный вид и скидывал с себя незнакомку, а если бы Кристины рядом не было? Стал бы Прохор так же хранить ей верность или позарился на чужие прелести? После этого неприятного открытия безмятежная жизнь Кристины превратилась в кошмар. В каждой проходящей девушке ей мерещилась потенциальная соперница, и, чтобы уберечь мужа от грязных домогательств, она повсюду следовала за ним. Теперь она в Испании, в Барселоне, и скучает так, что от зевоты сводит скулы.

Не решаясь расставаться с Прохором, первое время Кристина таскалась следом за мужем по жаре и вместе с ним торчала на стадионе, глядя, как сутулые потные мужики носятся по баскетбольной площадке, отбирая друг у друга мячик, чтобы кинуть его в кольцо и не попасть семь раз из десяти. Прохору происходящее на баскетбольной площадке невероятно нравилось, ибо будило воспоминания детства и юности, когда он сражался за сборную школы и их команда даже брала в первенстве города призовые места. В баскетбол играл он и в стенах экономического института, за блестящее окончание которого получил свой красный диплом.

Устав от стадиона, несколько дней Кристина провела в беготне по магазинам, но это не радовало, ибо не отпускала мысль о возможной сопернице. Остальное время ревнивица провалилась в номере у телевизора, изнывая от тоски и названивая мужу каждые пятнадцать минут, чтобы проверить, не развлекается ли он с другой.

Кинув испытующий взгляд на мужа, сосредоточенно склонившегося над планшетом, Кристина повернулась на живот, подползла к Прохору и заглянула в светящийся экран. Прохор просматривал полученные из московского офиса проекты рекламной компании только что заложенного на Выхино квартала жилых домов.

Дома на Выхино настолько отличались от великолепной архитектуры Гауди, воздухом которой пропиталась за эти дни Кристина, что по спине ее пробежал озноб. Серые коробки были невероятно далеки от дома Бальо с его длинными, вытянутыми колоннами и полным отсутствием прямых линий на фасадах. От парка Гуэля с мозаичными, извивающимися скамейками, с колоннами, напоминающими стволы старых деревьев, и яркими, фантастичными домиками. Ну и, конечно же, от собора Святого Семейства с устремленными в небо причудливыми шпилями, похожими на рыбы кости.

– Ты знаешь, Про, как умер Гауди? – задумчиво проговорила Кристина, мысленно перебирая в уме удивительные строения архитектора.

– Гауди? – глухо откликнулся погруженный в планшет Биркин. – И как?

– Гениальный архитектор вышел из дома и отправился по своему обычному маршруту в церковь, ибо к концу жизни стал истовым католиком. Он шел, задумавшись, семидесятитрех-летний неопрятный старик, и по рассеянности попал под трамвай. Пока он лежал, умирающий, без сознания, на мостовой, никто из горожан не захотел везти его в больницу. И ни один человек, ни один барселонец не узнал в грязном, дурно пахнущем старике создателя дворца Гуэля, витыми башенками которого все они так любят восторгаться. Непревзойденный архитектор Антонио Гауди – гений, второго такого больше нет и не будет, – он скончался в больнице для нищих, так и не дождавшись врачебной помощи.

– Грустная история, – выдохнул Биркин. – Гении часто плохо заканчивают.

Кристина вдруг вскинула голову и, пристально глядя на мужа, спросила:

– Признайся, Биркин, ты в самом деле полагаешь, что «Атмосфера» – подходящее название для жилого комплекса, построенного на месте свалки радиоактивных отходов? И кто придумал этот ужасный слоган? «Атмосфера, в которой рождаются гении»! Какие гении могут родиться в типичном спальном районе Москвы, застроенном одинаковыми скучными панельками? Не район, а сущий ад. Серые дома, хмурые люди, ранним дождливым утром спешащие на нелюбимую работу. Место, где рождается плебс. Так будет вернее.

– Тебе что-то не нравится, киса моя? – не отрываясь от планшета, проговорил Прохор, привычным жестом убирая с лица буйные кудри. – По-моему, название хорошее. И слоган звучит жизнеутверждающе.

– Биркин, не смей меня! Твоя вера в обычных людей – не иначе как продолжение любви к соцреализму в живописи.

– Возможно, – миролюбиво откликнулся Прохор. Он часто думал, что ему невероятно повезло с этой утонченной, умненькой девочкой, душа которой тянется к прекрасному. И пусть то прекрасное, к чему тянется ее душа, не всегда ему понятно, но то, что Кристина другая, не такая, как он, вовсе не практичная и совсем не предприимчивая, наполняло Прохора нежностью и теплотой. Кристина повсюду следовала за ним, жертвуя своими интересами и согревая заботой, и это особенно нравилось Прохору. Он часто смотрел на стройную, красивую жену, и горячая волна счастья захлестывала его. Прохор не умел сказать ей об этом, но полагал, что его любовь и нежность и так очевидны и не нуждаются в словах. – Объясни мне, Крис, что плохого в картинах Дейнеки и Пименова?

– Ничего плохого, – нехотя согласилась Кристина. И, привстав на локте, нависая над мужем, заносчиво продолжала: – Но, помимо «Свадьбы на завтрашней улице», есть Ренуар и другие импрессионисты, о которых ты ничего не желаешь слышать.

– Крис, не заводись, а? – Прохор отложил на тумбочку планшет, поморщился, потер уставшие глаза, страдальчески вытянул толстые губы. – Я начал собирать картины задолго до того, как познакомился с тобой, моя прелесть. И отлично понимаю, что тебе, дипломированной культурологине, не вылезавшей из Лувра, не нравится Дейнека. А мне он нравится. Мой отец – геолог. Всю жизнь провел в поле, открывая месторождения нефти. Это моего отца и его друзей Дейнека на своих картинах рисовал. А ты родилась с золотой ложкой во рту, потому тебе и ближе Моне со своим аристократическим завтраком.

– Ты какого Моне имеешь в виду? – хитро прищурилась Кристина. – Клода или Эдуарда?

– Того, который «Завтрак на траве» написал.

– Они оба написали, сначала Эдуард, затем Клод.

Кристина перегнулась через мужа, взяла с тумбочки планшет и забила в поисковике название картин.

– Вот, смотри, это «Завтрак на траве» Эдуарда Мане. Видишь, здесь пара обнаженных дам, зато кавалеры при полном параде. Это обстоятельство особенно позабавило парижскую публику, когда картину выставили на «Салоне отверженных», собравшем работы художников, которым жюри отказало в праве участвовать в ежегодной официальной выставке. Там-то и

увидел картину Эдуарда Мане другой художник, Клод Моне, и полотно так поразило Клода, что он тоже создал свой «Завтрак на траве», вот этот вот, – Кристина ловко перелистнула изображение, продемонстрировав Прохору картину, о которой шла речь.

– Ничего общего между двумя этими «Завтраками» нет, кроме разве что названия и буйной зелени на заднем плане, – скептически скривился Прохор. – Только голову морочат твои импрессионисты. Тот Моне, этот Мане, и оба с «завтраком»! То ли дело Решетников. Если картина называется «Опять двойка», значит, и изображен на ней виноватый двоечник. И второй такой картины с автором почти с такой же фамилией нет и быть не может.

– Ты скучный рационалист, – надулась Кристина, снова перегибаясь через мужа и возвращая на тумбочку планшет.

– Да нет, вовсе я не скучный, скорее наоборот. Но практичный, тут ты права. Так сказать, продвинутый инвестор. Мне интересны любые необычные проекты. И название нового комплекса, который вот-вот вырастет на месте свалки радиоактивных отходов, вместе со слоганом мне тоже кажется многообещающим и необычным. И в то же время вполне реальным. «Атмосфера, в которой рождаются гении». Очень даже возможно. Почему бы не родиться гению в панельной девятиэтажке? Гении рождаются где угодно.

– Это ты о себе? – улыбнулась Кристина, с иронией глядя на мужа. – Ты же у нас гений из панельного дома!

– Некоторым образом, – туманно откликнулся Прохор. – Вырос я действительно на окраине Москвы в блочной пятиэтажке. Я, конечно, не гений, но кое-чего в жизни добился.

– В том-то и дело, что светлый ум, коммерческая хватка и гениальность – вещи совершенно разные! – горячилась Кристина. – Гении рождаются совсем в другой атмосфере! Радиоактивные отходы способствуют лишь рождению мутантов.

В пылу спора Кристина раскраснелась, ее светлые волосы растрепались, и она сделалась невероятно хорошенькой.

– А гении растут в атмосфере красоты, любви и благополучия, вот как у нас с тобой. Маленького гения надо баловать, холить и лелеять. А в суровых условиях выживания в бандитских районах можно вырастить только хваткого бизнесмена.

– И почему же ты не рождаешь мне гения? – пропуская мимо ушей откровенную подколку жены, прищурился Прохор. – Может, я больше всего мечтаю о собственном гении. Миленьком таком гении, с пушистыми ресничками, крохотными кулачками и розовыми пятками, который будет высокохудожественно расписывать пленки.

– Опять ты о детях! – вздохнула Кристина, проводя острым алым ноготком по покрытой черным руном груди мужа. Эта тема была ей неприятна, ибо наводила на мысли, что Прохор будет принадлежать не только ей одной, но и их сынишке или, не приведи господи, доченьке. – Никуда я не денусь, когда-нибудь рожу тебе гения. Но я не об этом. Биркин, я просто хочу, чтобы ты полюбил не только приземленный соцреализм, но и другие, высокие стили искусства. На свете есть не только решетниковская «Опять двойка». Еще есть живопись голландцев, так нелюбимый тобой импрессионизм, да и, в конце концов, сюрреализм. Мы больше месяца торчим в Барселоне и до сих пор не побывали в театре-музее Дали. Почему?

– Действительно, почему? – переворачиваясь на спину и подставляя живот под ласки жены, лениво протянул Биркин. И тут же выдвинул наиболее вероятную версию: – Должно быть, туда неудобно добираться?

– Музей недалеко от нас, в Фигерасе, но дело не в этом.

Кристина нырнула под одеяло и с увлечением отдалась накотившему желанию. Под ее пухлыми губами плоть мужа на мгновение напряглась, но тут же опала. Не терпящий недоумовок, Прохор откинул одеяло и, подхватив Кристину под локти, уложил рядом с собой на подушки.

– Так в чем дело, Крис? Договаривай!

– Ни в чем, – с досадой отмахнулась она, никогда не понимавшая, как можно пустую болтовню предпочесть радостям секса.

– Я не отстану, пока не скажешь, – теребил ее Прохор.

Кристина обреченно закатила глаза, как бы поражаясь непонятливости мужа, и неохотно пояснила:

– Театр-музей Дали – местечко настолько престижное, что посмотреть на него едут поклонники со всего мира. Билеты нужно заказывать за месяц вперед.

– Чушь собачья, – наваливаясь на жену и покрывая поцелуями ее шею и грудь, пропыхтел Прохор. И, взяв в ладони ее лицо, нежно выдохнул в губы: – Мы пойдем в этот музей, когда захотим. Вот прямо сейчас и пойдем. Только немного поработаем над созданием гения.

Швейцария, 1912 год

Скука. Скука. Скука смертная. И зачем она поехала в Швейцарию? В стерильном, чистеньком Клаваделе все разложено по полочкам, расписано по часам. Вымыто, вычищено, надраено. Даже воздух пропитан хлоркой. И публика вокруг унылая. С такими кавалерами раньше умрешь с тоски, чем от чахотки. Когда врачи поставили Леночке смертельный диагноз, она нисколько не испугалась. Многие болели туберкулезом, а умирали далеко не все. Правда, мама подруги, Аси Цветаевой, не так давно скончалась от этой болезни. Зато перед смертью много времени провела в Швейцарии, на феиенебельных курортах. Цветаевы богатые и могут позволить себе любой каприз.

Леночка всегда завидовала их семье. Взять хотя бы старшую сестру Аси, Марину. Одна, без всякого сопровождения она отправилась в Париж. А ведь Марине на тот момент было всего шестнадцать лет! А ей, Лене Дьяконовой, уже восемнадцать. И чем она хуже Марины? Марине позволяют делать все, что она хочет. Профессор Цветаев во всем идет на поводу у старшей дочери. Потому что любит нежной отцовской любовью.

У Лены нет отца, зато есть отчим. Он тоже любит Лену, правда, любовью совсем не отеческой. Ну, да это даже и к лучшему. Такая любовь не только приятна, но и представляет возможность воздействовать на отчима, угрожая рассказать обо всем матери. Хотя мама, должно быть, и сама догадывается, потому и не выносит свою старшую дочь. Смотрит искоса, говорит сквозь зубы. А в чем она виновата? В том, что молода и отчима влечет ее юное тело? Но характер у Леночки решительный, она из всего ухитряется извлечь пользу. Одного намека хватило, чтобы отчим оставил все дела и кинулся наскребать деньги на поездку в Швейцарию.

Дьяконовы никогда не жили богато, и в гимназии скромно одетая девочка чувствовала себя изгоем. Глядя на беззаботных подруг, поедающих шоколад и небрежно оббивающих во время игры в скакалку мыски лакированных туфель, Лена поклялась себе, что у нее в жизни будет все самое лучшее. Лучшие платья, туфли, украшения. И самый лучший дом. Нет, даже не дом, а дворец. Свой замок. Она будет спать лишь с красивыми мужчинами, есть только вкусные вещи и получать от жизни одни удовольствия. Неприятности и заботы не для нее. От Лены всегда-всегда будет пахнуть духами, как от дорогой кокетки, и руки ее непременно будут ухожены, волосы завиты, а ногти покрыты лаком. Ибо она само совершенство – так говорил отчим, жарко дыша в ухо, – и достойна всего самого лучшего. Она и сама это знала. Знала всегда, с раннего детства. И поэтому Леночка нисколько не смущалась, глядя, как младшие братья и сестры лишаются самого необходимого и семья влезает в долги, собирая деньги, чтобы послать ее на лечение.

И вот она в Швейцарии. Томится от скуки в окружении туберкулезников, озабоченных исключительно своим драгоценным здоровьем, а на нее, молодую и зовущую к наслаждениям, не обращают внимания. Ее внимание особенно привлекает высокий светловолосый француз, Эжен Грендель, но с ним неотлучно находится его хлопотливая мамаша, сдувающая пылинки с обожяемого сыночка. Да и обслуживающий персонал санатория, большие похожий на тюремных надзирателей, свято блюдет нравственность своих постояльцев.

Леночка приподнялась на локте и, сложив самолетиком, запустила записку в сторону раскинувшегося на шезлонге Эжена. Завернутые в одеяла и оттого похожие на кули пациенты Клаваделя в этот послеобеденный час принимали воздушные ванны. Дремал на веранде и молодой француз. Выпроставшись из одеяла, Леночка с раздражением смотрела, как пуценный ее рукой самолетик ловко перехватила мадам Грендель и, нимало не смущаясь тем, что письмо предназначается не ей, развернула послание и пробежала его глазами. Кипя от возмущения, девушка скинула одеяло, порывисто встала с шезлонга и почти бегом покинула веранду.

Она чувствовала на себе испепеляющий взгляд рассерженной матроны, на сокровище которой покусились вероломная русская.

Леночка неоднократно слышала, как постояльцы Клаваделя за ее спиной недоумевали, отчего такая юная особа путешествует одна, без опеки родителей? Сплетничали, что, должно быть, она содержанка богатого старика, который оплачивает все ее расходы. А кастелянша санатория как-то даже прочитала наставление мадам Грендель, заявив, что не следует отпускать далеко от себя Эжсена, а то русская хищница вцепится в него мертвой хваткой и не выпустит из алчных когтей, стремительно забеременев и заставив на себе жениться. Для Лены это был и в самом деле самый лучший вариант, на который она только могла рассчитывать, и девушка злилась и на богатую французскую курицу, квохчущую над великовозрастным сынком, точно он неоперившийся цыпленок, и на глупую гусыню-кастеляншу, заглянувшую ей в душу и вытацившую на свет божий потаенные мысли.

Предостерегаемый матерью, осторожный Эжен и в самом деле не торопился переходить к делу. Он лишь писал ей стишки собственного сочинения, играя в страсть и дразня мимолетными поцелуями в темных углах коридоров. А утолять любовный пыл, вполне понятный для молодого человека его возраста, бегал к вульгарной вдовушке-итальянке, готовой заловить в свои сети всех санаторных мужчин, начиная от безусых юнцов и заканчивая почтенными старцами.

Желая показать, что нисколько не нуждается в Гренделе, Леночка выбежала на улицу и быстрым шагом отправилась в деревню. В трактире наняла тройку лошадей, запряженных в самые лучшие сани, и, зная, что Грендели будут гулять на веранде еще добрых полчаса, дала вознице на чай и велела гнать во всю прыть по холмам и перелескам. С веранды открывался отменный вид на бескрайние альпийские просторы, и девушка была уверена, что мать и сын при всем своем желании просто не смогут ее не заметить. Она представляла себе, как эффектно выглядят со стороны несущиеся по белому снегу яркие сани, гнедые кони, грациозно выгибающие шеи, и она сама, юная и свежая, точно Снегурочка из сказки Островского, раскрасневшаяся на морозе и прекрасная. Романтичный Эжен не скоро забудет эту картину.

Во время бешеной скачки она кинула взгляд на холм, расположенный по другую сторону от пансионата, и вдруг заметила, что перед большим мрачным домом стоит человек в длинной, до пят, шубе и лисьей шапке и пристально смотрит в ее сторону. Любопытство, смешанное с тщеславием, тут же овладело девушкой. Она нагнулась вперед и крикнула вознице:

– Поворачивайте на холм! Проедем мимо того дома!

Рябой швейцарец, правящий лошадьми, покорно развернулся и, подхлестнув коняшек, устремился туда, куда указывала рука пассажирки. Стараясь выглядеть как можно соблазнительней, Леночка откинулась на застеленную шкурами спинку саней и изобразила на лице загадочную улыбку. Кони стремительно взлетели на возвышенность и понеслись к мрачной громаде одинокого дома. Этот дом Леночка заметила сразу же, как только поселилась в Клаваделе. Окна его никогда не горели, и девушка думала, что там никто не живет. Но из обрывков разговоров постояльцев пансионата поняла, что у дома все-таки есть хозяин, какой-то таинственный богач, которого никто никогда не видел.

И вот теперь она с любопытством смотрела на высокую, закутанную в шубу фигуру. Низко надвинутая на лоб шапка скрывала глаза, но овал лица, ровный прямой нос и плотно сжатый рот были довольно привлекательны. Прежде чем умчаться вдаль, Леночка, недолго думая, помахала мужчине рукой. В принципе он ей понравился. В незнакомце чувствовался характер, и уж точно он был ничем не хуже бесхребетного маменькиного сынка Эжсена Гренделя.

Леночка успела вернуться как раз к ужину. Румяная, свежая, пахнущая морозом, девушка вошла в столовую и с видом царицы проишествовала к своему месту. Уселась за сервированный стол и уже взяла в руки вилку и нож, чтобы съесть кусочек морковного пудинга, как

волнение, пробежавшее по залу, точно ветерок по колосьям ржи, заставило ее оглянуться. В дверях столовой стоял загадочный тип из дома на холме, и взгляды всех пациентов санатория были прикованы к его собольей шубе, припорошенной снежком. Ничуть не смущаясь столь пристальным вниманием, мужчина, задевая лапами шубы за стулья пациентов, неспешно прошествовал к столику Леночки.

Все звуки в столовой стихли, и в повисшей тишине лишь шлепал ладошкой по кисельной подливке, оставшейся на тарелке после пудинга, трехлетний сынишка кастелянши. Незнакомец сдернул с головы шапку, оказавшись красивым шатеном с длинными, откинутыми назад волосами, выдвинул пустующий стул и сел напротив Леночки. Он глядел на девушку невидящими глазами, казавшимися белыми на худом загорелом лице, и от этого взгляда мороз бежал по коже.

– Позвольте представиться, мадемуазель. Серж Кутасов, – тусклым голосом сообщил он по-французски.

– А разве вы... – услышав имя незнакомца, начала было тоже по-французски Леночка, собираясь спросить, отчего он не в склепе жены, как поклялся, но вовремя остановилась.

Провожая Леночку в Швейцарию, Ася Цветаева всю дорогу только и говорила, что о Серже Кутасове. Вернее, о трагедии, случившейся сначала с его молодой женой, а затем и с ним самим.

– Знаменитый часовщик, создатель говорящих часов не так давно женился на крылатой Ангелине, приемной дочери кондитера Лившица, – таинственно шептала Ася, сидя рядом с подругой в наемном экипаже, неспешно везущем девушек к вокзалу. – Кухарка наша говорит, что Ангелина вовсе не крылата, что на спине у нее горб, и Лившиц в целях саморекламы взял из приюта сироту-уродину, но мы с Мариной придерживаемся другого мнения. Марина уверяет, что своими глазами видела у Ангелины крылья, когда позапрошлым летом ездила купаться на Архиерейские пруды. Ну, да неважно. Дело в том, что часовщик и его молодая жена поселились в загородной усадьбе Григорово рядом с Ярославлем – красивейшие места! У меня неподалеку тетя проживает. Молодая чета как раз по соседству с тетей жила. Двоюродная сестра Соня даже подружилась с Ангелиной. И представляешь, Леночка, какое горе! Недавно Ангелину загрызли волки.

Леночка сделала изумленные глаза:

– Так прямо и загрызли? И что Кутасов?

– Ясное дело, овдовел. Но верно говорят, что беда никогда не приходит одна. На следующую ночь после смерти жены у Сержа загорелся дом. Сгорела не только его усадьба, но и соседнее имение. И там погибли люди. Сонечка рассказывала, погибла Вера Каменева с отцом и маменькой.

Девушки сошли на вокзальной площади и тут же столкнулись со спящим в толпе мальчишкой-газетчиком.

– Сенсация! – кричал он во все горло. – Грудная жаба убила шоколадного короля! Скончался Бенедикт Лившиц! Шоколадная империя отошла его зятю Сержу Кутасову! Создатель говорящих часов – теперь шоколадный король! Но Кутасов не выходит из фамильного склепа, поклявшись умереть на могиле молодой жены!

И вот рядом с Леночкой сидел баснословно богатый вдовец Серж Кутасов и проявлял к ней несомненный интерес.

– Как ваше имя, мадемуазель?

– Елена Дьяконова, – с достоинством отозвалась девушка, сквозь слегка прищуренные ресницы рассматривая необычного соотечественника.

Тишина в столовой была словно осязаема. Затаив дыхание, постояльцы санатория прислушивались к их беседе. Даже сын кастелянши перестал шлепать ладошкой по подливке.

– Вы русская? – без выражения обронил Кутасов, переходя на родной язык. – Тем лучше. Мы с женой были бы рады увидеть вас сегодня вечером. Она заинтересовалась вами. Не откажите, сделайте любезность.

– Разве ваша жена не погибла? – осторожно спросила Леночка.

– Конечно, нет. С чего вы взяли?

Природный ум подсказал Елене, что лучше делать вид, словно ничего не происходит. Видя замешательство собеседницы, Кутасов настойчиво уточнил:

– Так вы придете?

– Не знаю, может быть, – уклончиво откликнулась Леночка. И кокетливо добавила: – Я подумаю.

Обслуживающий персонал наконец-то пришел в себя от неслыханной дерзости посетителя, и к Кутасову устремился дежурный медбрат.

– Покиньте помещение! – по-французски потребовал он. – Посторонним не положено находиться на территории пансионата.

– Придете, – проигнорировав и слова санаторного служащего, и игривый тон собеседницы, сурово припечатал Кутасов. – Никуда не денетесь. Ровно в восемь за вами прибудет экипаж. Не опаздывайте, мадемуазель Дьяконова.

Он поднялся во весь свой великолепный рост и, отстранив медбрата, точно мешающуюся неодолеваемую вещь, широким шагом покинул столовую. Леночку и раньше в пансионате недолюбливали. За спиной у нее шептались, что мадемуазель Дьяконова не в себе. То ходит мрачнее тучи, а то вдруг ни с того ни с сего примется хохотать как безумная. А теперь, когда к ней подошел загадочный хозяин дома на холме, оказавшийся русским, и подавно смотрели как на прокаженную. Леночка поймала на себе недоумевающий взгляд своего французика и – брезгливый – его мамаш и решила: обязательно пойду! И пусть эти чистенькие сытые буржуа лопнут от своей пуританской морали, которой прикрывают грязные делишки!

Скромный гардероб юной путешественницы не позволял особенно развернуться, но Леночка приложила все усилия, чтобы выглядеть изящно и со вкусом. Стоя перед большим, во весь рост, зеркалом, девушка оглядела себя придирчивым взглядом и осталась довольна. Пушистая белая шапочка выигривно оттеняла смуглое лицо, темные локоны вились над узким лбом, близко посаженные серые глаза, обычно делающие ее похожей на затаившуюся для броска крысу, сегодня горели как-то по-особенному ярко и казались больше и красивее. Одернув полы шубки, Леночка подхватила со столика перчатки и устремилась на улицу.

Легкий снежок охладил ее пылающее лицо, припорошив меховой воротник и шапочку. Под короткими ботами похрустывала укатанная полозьями саней заснеженная дорога, и, заметив у ворот пансионата запряженный породистыми лошадьми богатый экипаж, Леночка прибавила шаг, опасаясь, что возница, не дождавшись, уедет. Она не сомневалась, что в этот самый момент Эжен Грендель стоит у окна своей комнаты и, прижавшись лбом к морозному стеклу, смотрит на нее, не находя себе места от досады и ревности.

Заметив торопливо идущую девичью фигурку, слуга-африканец спешил и услужливо откинул сафьяновый полог, подбитый норкой. Леночка проворно забралась на мягкое сиденье, позволив чернокожему вознице укутать ее теплым мехом. Кони бежали резвой рысцой, экипаж скользил по мягкому снегу, и девушка, закрыв глаза, полностью отдалась стремительной радости полета. Очнувшись она, только когда кони окончательно остановились, замерев на месте. Возница помог ей выбраться и проводил к темному подъезду. Леночка огляделась по сторонам. Окна дома оказались зашторены, свет нигде не горел. Было не похоже, чтобы здесь ожидали гостей. Девушка оглянулась, надеясь на помощь слуги, но африканца нигде не было видно. Он словно растворился в вечерних сумерках.

Растерянная Леночка поднялась по ступеням и осторожно позвонила в звонок. Девушка слышала, как за дверью отчетливо звякнул колокольчик, но никто не торопился открывать.

Она позвонила еще раз, и только тогда зазвенели засовы и створка двери поползла в сторону. Затянутый во французскую пару на пороге возвышался Кутасов с горящей свечой в руке. В бледном, словно припудренном лице его было что-то демоническое, огненные всполохи плясали в застывших белых глазах. Увидев кривую улыбку на губах нового знакомого, Леночка уже пожалела, что приняла приглашение. Поздоровавшись, гостья робко осведомилась, делая шаг назад и решая сразу расставить все точки над «i»:

– Вы один, господин Кутасов? Отчего же ваша супруга не вышла встречать меня вместе с вами?

– Добрый вечер, сударыня, – не отвечая на вопрос, хозяин отошел в сторону, пропуская гостью в прихожую. – Прошу вас, заходите.

И только теперь Леночка поняла, что попала в ловушку, ибо не сможет без помощи хозяина дома вернуться в пансионат. Ночью, пешиком, по глубокому снегу – да она просто замерзнет в пути! Не решившись перечить, девушка проследовала за высокой фигурой в темную глубину дома и остановилась в коридоре, услышав берущие за душу звуки музыки. Это была «Лунная соната» Бетховена. Леночка очень любила эту вещь, да и сама недурно исполняла ее на рояле. Будто кто-то родной коснулся ее лица, и Леночка, заулыбавшись, спросила:

– Господин Кутасов, это играет ваша жена?

Хозяин улыбнулся уголком рта и сдержанно кивнул. При этом мертвые глаза его остались безучастными. Пропустив гостью вперед, он галантно взял ее под руку и увлек за собой по лестнице. Леночка хотела раздеться, оставив в прихожей шубку и шапочку, но Кутасов не позволил ей этого сделать.

– Нет-нет, мадемуазель Дьяконова, оставайтесь как есть! – запротестовал хозяин, с силой возвращая на плечи гостье скинутую было шубку и тем самым причиняя ей боль.

Сердце девушки ушло в пятки. Да он совсем безумен! И, кроме того, очень силен. Но Леночка хотя бы не одна в доме с этим странным человеком. Здесь есть еще и его жена. Возможно, Ася ошиблась, и Ангелина вовсе не погибла, а лишь получила травмы и теперь поправляет здоровье на курорте. Все громче и громче звучали переливчатые аккорды дивной музыки, доносившейся из самой дальней комнаты погруженного в темноту дома. Это немного успокоило Леночку, и она уже смелее проследовала за Кутасовым. Миновав сумеречные залы, они вошли в залитую светом хрустальных ламп шикарную обставленную гостиную, в центре которой стоял рояль, и по клавишам его, извлекая божественные звуки, бойко бежали пальчики сидящей спиной с двери брюнетки, никак не отреагировавшей на их появление. Лопатки ее были круглы, словно под платьем и в самом деле покоились сложенные крылья.

– Добрый вечер, – бойко поздоровалась Леночка, с облегчением опускаясь в стоящее у стены кресло и сдвигая шапочку на затылок.

Пианистка не ответила, продолжая играть. В доме оказалось довольно тепло, и гостья успела запариться. Но, памятуя о предыдущей попытке снять шубку, раздеться не решалась, опасаясь гнева Кутасова. Слушая такую знакомую мелодию, Леночка любовалась шикарным нарядом хозяйки, упрямо ее не замечавшей, и деликатно осматривалась по сторонам. Повсюду роскошь и великолепие. И это все для жены Кутасова. Для горбатой уродины. А у Леночки дома, в Москве, комната обставлена со спартанским аскетизмом, и живет с ней еще и младшая сестра. И платья у нее самые дешевые, из расплзающейся бумаги.

А французик этот, Грендель, смотрит на нее снисходительно, хотя богат и мог бы составить счастье русской девушки. Почему так: одним – все, другим – ничего? Леночка упрямо закусила губу. Ну, еще не вечер! Она свое возьмет! Любой ценой станет богатой и знаменитой. О ней еще заговорят! Ей станут поклоняться, словно богине! Деньги творят чудеса, и все ее желания, точно по мановению волшебной палочки, с приходом богатства начнут исполняться. Чтобы скрасить неловкость, вызванную затянувшимся молчанием, Леночка проговорила, ни к кому конкретно не обращаясь и повышая голос, чтобы перекричать музыку:

– Я была в магазине на Никольской и видела говорящие часы. И даже задавала им вопрос. – И как? Часы ответили верно? – без особого интереса осведомился Кутасов, стоя в проеме дверей, точно не решаясь зайти в комнату.

– Представьте себе, да! – Она лихо тряхнула шапочкой. – Часы откуда-то узнали, что на мне надет синий капот². Я требую, чтобы мне немедленно открыли тайну часов!

– Неужели вы сами не догадались? – все так же безучастно спросил часовщик.

– О чем? – не поняла гостя.

– Вы меня разочаровываете, мадемуазель Дьяконова. Ведь все так просто. В специальном отделении деревянного корпуса часов сидит перед замаскированным отверстием карлик. Он видит всех, кто обращается к часам, и отвечает на вопрос. Чаще всего вопросы касаются одежды, вот как в вашем, мадемуазель, случае. Или прически. Или спутника. Правда, бывают вопросы с подвохом, но мой карлик – парень сообразительный и ловко умеет выкрутиться из самой затруднительной ситуации.

– Подумать только! – обиженно протянула Леночка. – Какое невероятное надувательство!

– Отчего же надувательство? Всего лишь привлечение клиентов.

Не зная, о чем еще говорить, Леночка замолчала и отвернулась в сторону окна, наблюдая за медленно кружащими за стеклом снежинками. И тут она поймала себя на мысли, что музыка словно бы мчится по кругу. Лишь только звучали заключительные аккорды пьесы, как снова начиналось вступление, и «Адажио» дивным потоком лилось по комнате снова. Изумленно вскинув брови, девушка резко обернулась к Кутасову. Тот все так же стоял, облокотившись о дверной косяк, и пристально рассматривал Леночкин профиль. Заметив изумление на ее лице, Кутасов шагнул к музицирующей супруге и без предупреждения резко крутанул табурет. Развернутая в противоположную от инструмента сторону музыкантша даже бровью не повела, с бесстрастным выражением лица продолжая проворно шевелить в воздухе пальцами, точно играла на фортепиано.

– Что вы делаете? – чуть слышно прошептала Леночка, больше обескураженная выходкой пугающего ее мужчины, чем странным поведением женщины.

Хозяин подхватил жену с сиденья и вдруг разжал объятия, точно бросил. Женщина с металлическим стуком рухнула на пол. Леночка вскрикнула, прижав кулачок ко рту, и, только заметив сложный механизм, скрывавшийся под задравшимися пышными юбками, вздохнула с облегчением. Она не живая! Это механическая кукла!

И, обернувшись к Кутасову, кокетливо улыбнулась:

– А я по ошибке приняла бездушиную куклу за вашу супругу. Где же она? Где Ангелина Ливишц?

– Гала? Гала вернулась на небо. А это жалкая пародия, ее механический двойник, – мрачно произнес хозяин дома. – Дрянь. Барахло. Безделушка.

– Но вы сказали, что я привлекла внимание вашей супруги и она желает со мной познакомиться! – растерянno напомнила Леночка.

– Выслушайте меня, мадемуазель Дьяконова, – приближаясь, проговорил Кутасов. Перешагнув через валяющуюся на полу куклу, с пугающим упорством продолжающую шевелить в воздухе пальцами, он присел на винтовой табурет и всем телом подался к Леночке. – Отец мой был часовщиком, имел в Москве магазин на Никольской, в квартире над которым и жил. В соседнем доме располагалась кондитерская Бенедикта Ливишца, большого папиного друга.

Я был подростком, когда однажды ночью к нам в дом ворвались грабители. Бандиты сразу же убили отца и долго пытали мать, страшно истязая и требуя показать, где мы прячем деньги. Она не говорила не потому, что хотела сберечь добро. Она просто ничего не знала,

² Капот – накидка с капюшоном.

ибо отец не посвящал ее в свои дела. Тогда грабители, отобрав у матушки ключи, спустились вниз и забрали из магазина все, что попало им под руку. А затем убили и мать. Меня спасло только то, что я сразу же получил удар по голове, лишивший меня возможности двигаться и говорить, и злодеи думали, что я мертв. Но я все видел и слышал, и ужас, который я испытывал, нельзя описать словами. Утром пришел приказчик, увидел последствия ночного налета и отвез меня в Преображенскую лечебницу. Там я провел много времени, погруженный в непрекращающиеся кошмары. Каждый день ко мне приходил папин друг, дядя Бенедикт, в надежде, что наступило улучшение и меня уже можно забрать домой.

То, что я стану жить у Лившицев, было само собой разумеющимся, ибо мне, несчастному сироте, оставшемуся без средств к существованию, некуда было идти. Видя, что болезнь не отступает, дядя Бенедикт посоветовался с доктором Васильевым, который меня лечил, и по его рекомендации написал в Вену доктору Брейеру, работавшему в институте нервных болезней. И тот пожелал на меня взглянуть. Дядя Бенедикт тут же забрал меня из Преображенской лечебницы, и вскоре мы были в Вене и стояли перед двумя задумчивыми мужчинами, внимательно рассматривающими мое лицо. Одним из двух бородатых профессорского вида был доктор Брейер, вторым – Зигмунд Фрейд. Доктор Фрейд тоже проявил интерес к моему случаю и взялся лечить гипнозом.

Прошло несколько лет. Я выздоровел и поступил на механическое отделение Мюнхенского университета. Окончив обучение, вернулся в Москву и без ума влюбился в Ангелину. Я словно впервые увидел ее. Все эти годы Гала – так называли ее дома – была для меня милой девочкой, добрым ангелом, и я изо всех сил старался ее порадовать. Галу все обожали, доходило до глупости. Дядя Бенедикт выпустил конфеты в честь ее совершеннолетия, назвал их «Гала», а на обертке распорядился нарисовать коней, которых он ей подарил, и Ангелину. Рисовал Врубель, и получилось просто великолепно. Кони неслись вскачь по снежной равнине, увлекая за собой сани, в которых сидела наша Ангелина-Гала. А я, в свою очередь, задумал из этих фантиков сделать для нее на день ангела волшебный фонарь. Вырезал из оберток рисунок, подрисовав коням ноги таким образом, чтобы при движении по кругу создавалось впечатление бега, и наклеил на прямоугольные деревянные пластины, залив лаком.

Их было ровно тринадцать, этих пластин. И на последней картинке прямо за санями я из озорства пририсовал морду волка, так, что при вращении барабана получалось, будто зверь, нагнав сани, собирается в них запрыгнуть. Гала была в восторге. Она без конца крутила игрушку, радуясь ожившей картинке, как ребенок. Она вообще была как ребенок. Беззащитная и доверчивая. И, полюбив ее, я вдруг испытал новый приступ болезни. Я стал до безумия бояться, что с Галой что-нибудь случится и я снова потеряю самое дорогое, что у меня есть. Это стало моей навязчивой мыслью, идеей фикс, и, точно помешанный, я ни на шаг не отпускал от себя Галу. Я хотел быть с ней днем и ночью, оберегать от возможных бед и невзгод.

Попросив ее руки у дяди Бенедикта, я получил согласие, но с обязательным условием. Мы договорились, что перед свадьбой я поеду к Зигмунду Фрейду и проконсультируюсь по поводу своего психического состояния. В кабинете венского психиатра мое внимание привлек висящий в простенке античный барельеф, на котором была изображена красивая женщина – судя по одежде и прическе, жительница Древнего Рима, – она словно двигалась, шла летящей походкой. Беседуя с Фрейдом, я не сводил с изображения глаз. Заметив это, профессор вдруг улыбнулся и проговорил:

– Лишний раз убеждаюсь в избирательности человеческого подсознания. Вы, дорогой друг, совершенно правильно рассматриваете «Градиву», ибо ваш случай – зеркальное отражение ситуации, в которую попал герой одноименной повести Вильгельма Йенсена. В «Градиве» Йенсен рассказывает историю безумца-археолога, влюбившегося в найденный при раскопках

Помпей барельеф с изображением идущей женщины – Градивы³. Вот этой самой. – Фрейд указал на стену с барельефом.

– Изящество ее походки поразило археолога, и долгое время он пребывал в плену иллюзий, практически совершенно отойдя от реальности и погрузившись в античный мир. В поисках возлюбленной наш герой даже отправился в Италию и на развалинах Помпей случайно встретил ту, кого искал. Незнакомка обладала той же походкой, что и Градива его мечты. Наш герой был на грани безумия, но встреченная на развалинах девушка оказалась его давней знакомой, соседкой и подругой детских игр, это и спасло археолога от окончательного помешательства. И молодой человек наконец-то понял, что все эти годы подсознательно любил именно эту девушку, свою соседку, обладавшую удивительно легкой и красивой походкой, а барельеф с Градивой, найденный при раскопках, лишь послужил напоминанием о ней.

Так вот, в случае с вашим расстройством, дорогой мой друг, все с точностью до наоборот. Возлюбленная у вас уже есть, но вас беспокоит возможность ее потерять. Вы боитесь отпустить ее от себя из опасения, что без вас с ней что-то случится. Мой вам совет: найдите какую-нибудь вещь, дорогую для вас обоих, разделите ее пополам и всегда носите с собой. Вы и она. Половинки этой вещи будут вас как бы связывать, и, прикасаясь к ним, каждый из вас будет ощущать рядом с собой присутствие другого.

Вернувшись в Москву, мы с Ангелиной обсудили совет профессора и решили всегда носить с собой по одной картинке из волшебного фонаря, ибо этот фонарь был дорог нам обоим. И, вы знаете, мадемуазель Дьяконова, я сразу же внутренне успокоился. Я вынул из фонаря пластинку с несущейся на санях Галой, убрал ее в футляр, который спрятал в карман, и знал, что моя девочка рядом. То же самое сделала и Гала. После свадьбы мы перебрались в подаренную дядей Бенедиктом усадьбу Григорово. Мы жили там неделю, прежде чем пожаловали мать и дочь Каменевы – помещицы из соседней усадьбы.

Они просили денег, но я был занят, а Гала наличных никогда в руках не держала, ибо не имела такой нужды. Не получив желаемое, соседки покинули наш дом в крайнем раздражении, а расстроенная Ангелина поехала кататься на санях. Я работал и вдруг услышал выстрел. Кинулся к окну и заметил, как в сторону Привольного промчались сани тех самых помещиц и в санях их кучер с охотничьим ружьем. Я выбежал на улицу, стал звать Ангелину, но следы полозьев ее саней уводили в лес, точно кони испугались и понесли. Нашли ее только утром. Разбитые сани, горсть окровавленного тряпья и вот это.

Кутасов разжал ладонь, и Леночка увидела деревянный прямоугольник размером с портсигар. Мчащиеся кони на картинке были испачканы засохшей кровью, а в центре деревяшки зияла ровная округлая дыра.

– Это след от дроби, которым стрелял в Ангелину соседский слуга. Ее сначала убили, и только потом волки растерзали труп. А вот вторая картинка от волшебного фонаря. Моя. Взгляните.

Обернувшись к ламберному столику, Кутасов, вставляя недостающие детали, немного поколдовал над игрушкой, которую Леночка до сего момента не замечала, и вот уже перед ней закружилась карусель волшебного фонаря, и кони неслись вскачь по снегу, а в санях, которые они везли, откинувшись, смеялась Гала.

– Вот как он должен выглядеть, волшебный фонарь моей девочки, – с горечью проговорил вдовец.

– Это вы сожгли имение Каменевых? – внутренне холодея, догадалась Леночка.

– Да. Сжег, – ровным голосом проговорил Кутасов. – Но перед тем, как сгореть, мать и дочь долго мучились. Они дорого заплатили за смерть моего ангела. Мадемуазель Дьяконова, хотите узнать, как они умирали?

³ Gradiva (лат.) – шествующая.

И, пристально глядя в глаза гостье, Кутасов с нескрываемым наслаждением поведал самые ужасные подробности убийства графини Татьяны Андреевны и Веры. Девушка с интересом слушала, и, наблюдая за ее реакцией, хозяин держался все увереннее и свободнее.

– Поймите, мадемуазель Дьяконова, много лет я балансирую на грани безумия. Только Гала была способна меня остановить в самый последний момент. Но теперь, когда ее нет, я понимаю, что тьма вот-вот сгустится и поглотит меня целиком. Всего. Без остатка. Я убивал Каменевых и чувствовал себя счастливым. Это страшно, мадемуазель. Я не хочу, чтобы такое повторилось, но чувствую роковую неизбежность. Вы очень похожи на Ангелину. Сегодня, увидев вас, я вдруг подумал, что мог бы попробовать начать все с начала. Если, конечно, вы согласитесь стать моей женой.

Гала имела редкий дар направлять безумие в созидательное русло. Доброта Галы не знала предела. При ее участии и покойный дядя Бенедикт стал тем, кем стал, хотя родня и считала его помешанным. Вы знаете, – Кутасов таинственно понизил голос, – глядя на вращающийся волшебный фонарь, я очень часто ощущаю ее присутствие рядом с собой. Я разговариваю с ней, и Гала мне отвечает. Я рассказал Гале о вас, и она пожелала с вами познакомиться. Ее душа сейчас витает рядом с нами. Но душа – это одно. Мне очень не хватает ее теплых рук, глаз, тела...

Задыхаясь от страсти, Серж сдернул с головы Леночки пушистую белую шапочку и принялся гладить по волосам и щекам, трогая пальцем губы. Леночка замерла, боясь пошевелиться. И вот он взял ее лицо в свои ладони и, приблизившись, долго смотрел в глаза. Зрачки его были расширены настолько, что невозможно было понять, какого цвета радужка.

– Ты согласна, Гала? – чуть слышно шепнул он. – Согласна быть моей?

– Да, – выдохнула Елена, прикрыв глаза в расчете на предстоящий поцелуй. Но, так и не дождавшись поцелуя, открыла глаза, взглянула на Кутасова и обомлела. Губы его злобно кривились, точно он прочел в лице своей визави какую-то страшную тайну. Сердце Леночки на секунду замерло и, гулко бухнув, ушло в пятки. А Кутасов с силой оттолкнул ее и закричал так, что пена выступила на губах:

– Ты не Гала! Какой из тебя ангел? У тебя нет души! Ты тварь! Бездушиная тварь! Ты не сможешь вдохновлять! Ты готова стать женой безумца! Убийцы! Человека, получающего удовольствие от страданий других! Что движет тобой? Жадность? Любопытство? Или ты и сама такая же, как я? Тогда тебе меня не удержать! Ни за что не удержать на краю бездны! Гала была чистым ангелом, ее ужасала чужая боль, и рядом с ней я хотел стать лучше и чище, дотянуться до ее высот и никогда бы не пошел на убийство. А с тобой я камнем рухну вниз. Ты утащишь меня в свою преисподнюю! Уходи! Слышишь? Убирайся прочь!

Он смял в кулаке ее белую шапочку и запустил в открытую дверь. Леночка подскочила с кресла и стремительно выбежала следом за головным убором. И чуть не упала, налетев в темноте соседней комнаты на едва различимого чернокожего слугу. Тот поднял с пола шапку гостьи и держал ее в руках, согнувшись в почтительном поклоне.

– Извольте следовать за мной, сударыня, я отвезу вас, – церемонно проговорил он, словно был не в курсе только что разыгравшейся отвратительной сцены. Но по глазам его, смотревшим на Леночку с тоскливым сожалением, было заметно, что африканец не пропустил из разговора ни единого слова.

Всю следующую неделю Леночка Дьяконова, с того вечера пожелавшая называться Галой, ходила в деревню, нанимала сани и каталась перед домом на холме в надежде увидеть его хозяина. Но Серж Кутасов так больше и не появился на пороге. Перед самым своим отъездом из Клаваделя новоявленная Гала случайно услышала разговор медбрatьев, из которого узнала, что загадочный русский покинул дом, убив чернокожего слугу с особой жестокостью и вдоволь поиздевавшись над трупом.

Фигерас, 1913 год

Невыносимо жаркое солнце плавило белые улочки небольшого торгового городка на севере Испании. На Каталонию опустился полдень, а с ним пришла и сиеста. Все реже стукали по пыльной брусчатке Фигераса копыта взмыленных мулов, почти не скрипели деревянные колеса повозок, звук проезжающего мотора не тревожил знойную тишину. За окнами домов стихали голоса, и только ученики муниципальной школы изнемогали от жары и необходимости часами сидеть неподвижно. На возвышении перед классом дремал за кафедрой толстяк-учитель, господин Траитер в выдавшем виды цилиндре и с бородой такой длинной, что конец ее он прятал в карман атласного жилета. Одно неосторожное движение грозило обернуться стихийной контрольной, и дети бедняков, посещавшие это неприятное учебное заведение, сидели тихо, как мышки под веником, стараясь не разбудить патрона.

Звенящую тишину класса нарушал лишь только скрип карандашного грифеля о бумагу – это самозабвенно рисовал свои бесконечные картинки единственный зажиточный ученик, сын уважаемых родителей Сальвадор Фелипе Дали. Отец мальчишки служил в Фигерасе нотариусом, и нотариусу Сальвадору Дали-и-Куси – а именно так звали отца юного рисовальщика – никто никогда не посмел бы перечить. По этой ли причине, или из-за того, что маленький Сальвадор был на редкость странным ребенком, склонным к эксцентричной мистике, учитель водил с учеником некоторое подобие дружбы.

Частенько после уроков мальчик отправлялся к господину Траитеру в гости. Дом учителя долгое время оставался для Сальвадора Фелипе невероятно загадочным местом. В воображении мальчика оно походило на кабинет доктора Фауста. Глаза ребенка разбегались, стоило только переступить заветный порог, и руки сами тянулись к необыкновенным вещам. На полках огромной библиотеки вперемежку с толстенными пыльными фолиантами располагалось немало диковинных вещей, возбуждавших любопытство и будивших воображение. Была в кабинете сушеная жаба, подвешенная к потолку за лапку и служившая барометром. Стояли на полках колбы, реторты и тигли. Комната выглядела как лаборатория настоящего алхимика.

Господин Траитер слыл в Фигерасе чудачком, собирающим по заброшенным домам различные редкости. Ближе к ночи учитель отправлялся в опасные экспедиции, обследуя старинные замки, покинутые владельцами из-за дороговизны проживания в них. Не обходил он вниманием и оставшиеся без наследников дома покойников. Какие только сокровища не приносил учитель из своих походов! Один раз он вынул из большой шкатулки красного дерева, отделанной гранатовым бархатом, красную блестящую статуэтку Мефистофеля. Зажигая хитроумное устройство – трезубец, воздетый сатаной ввысь, – Траитер устроил фейерверк до потолка, не менее мальши Дали радуясь импровизированному салюту. В другой раз показал юному приятелю четки, размером превосходившие корабельную цепь.

И в тот день, залучив мальчика в гости, учитель внимательно посмотрел на Сальвадора и как бы между делом осведомился:

– Мальши Дали, помнишь тот дом на скале, где проживал чокнутый русский?

– Тот, который повесился? – бесхитростно уточнил мальчик.

– Угу, – интригуя, качнул бородой господин Траитер. – Сегодня ночью я обследовал это богом проклятое жилище на предмет всяких диковин. Должен тебе сказать, что ничего особенно интересного я не нашел, но одна оригинальная вещица привлекла мое внимание. А ну-ка, мальши Дали, взгляни на это...

С изяществом фокусника старик взмахнул руками, и на столе перед мальчиком очутился волшебный фонарь. Крутанув барабан, учитель застыл с довольным видом, наблюдая за реакцией ребенка. Не в силах отвести глаз от мчащихся по снегу лошадей, влекущих

сани, Сальвадор Фелипе замер, пораженный. Движущиеся картинки напоминали гипнотические миражи, порожденные его снами. Но не столько лошади и сани потрясли юного Дали, сколько закутанная в меха русская девочка, мчащаяся на санях.

Мальчик знал, что ее зовут Гала, ибо так было написано внизу на каждом рисунке, под копытами лошадей. За санями с Галой мчался волк с флуоресцирующими глазами. Девочка смотрела прямо на Дали с выражением горделивой скромности, и от этого взгляда сжалось сердце. Живая! Да она же живая! Выразительные ноздри и близко посаженные глаза делали ее похожей на лесного зверька, но при этом по контрасту с поразительной живостью взгляда черты лица были гармоничны, как у Рафаэлевой Мадонны.

– Нравится? – глядя, как обомлел потрясенный ученик, осведомился Траитер. И великодушно махнул рукой: – Можешь взять себе.

Сальвадор недоверчиво обернулся. Учитель ищет? Взять себе русскую девочку? Взять себе Галу?

– Бери, бери, – подбодрил бородатый толстяк. – Праксиноскоп ничего не стоит, ценители не дадут за него и пары монет, ведь у игрушки попорчена пластина.

И только тут юный Дали заметил круглый просвет в непрерывной череде мелькающих картинок. Не веря своему счастью, он осторожно приблизился к столу и, дождавшись, когда лошадки остановят свой бег, сгреб подарок в охапку и поспешил с ним домой.

С того дня у Сальвадора Фелипе появилась подружка. Запуская волшебный фонарь и глядя, как бегут лошадки, он ждал пару секунд, а затем по всем его членам разливалось блаженное тепло, порожденное ощущением чужого присутствия. Мальчик знал: Гала, его русская девочка, его Галючка, рядом. Как постоянно рядом был его предшественник. Когда-то давно, еще до его рождения, у родителей был другой Сальвадор, который умер от несварения желудка. Второго сына в честь брата тоже назвали Сальвадором и поселили в комнате умершего, застеляя кровать, на которой тот скончался, простынями покойного и заставляя донашивать его вещи.

Несколько раз мальчика брали на кладбище, и Сальвадор стоял над могилкой с собственным именем, глядя, как рыдают над ним, покойным, отец и мать. В эти моменты мальчик терял ощущение реальности и не понимал, кто он – живой Сальвадор Фелипе Дали или его умерший брат. Чувство раздвоенности было так сильно, что однажды мальчик поделился своими опасениями с Галючкой. Они как раз гуляли по берегу моря, и девочка кидала в воду плоские камушки, наблюдая, как сверкающие на солнце гальки скачут по гладкой бирюзовой поверхности.

– Чтобы убедиться, что ты – это ты, возьми и наложи по куче дерьма в каждом углу вашего большого и красивого дома, – не оборачиваясь, посоветовала новая подружка, озорно блеснув горящими, как угли, серыми глазами. – Тайком проберись в самый дальний угол дома, выдвини ящик с бельем, сделай туда свои дела, на цыпочках покинь место преступления и со всех ног беги в сад. То-то смеху будет, когда прислуга станет искать оставленный тобой сюрприз! Тогда все точно поймут, что ты живой Сальвадор Дали, а не жалкий призрак брата!

Взгляд ее проникал в самое сердце мальчика, на дне которого бережно хранились детские тайны. То ли было, то ли нет, но мальчик Сальвадор частенько вспоминал – а может, придумывал, – как он, четырехлетний, разбегается и бьет ногой по голове ползущую по полу на четвереньках двухлетнюю Анну-Марию. Сестренка заливается безудержным плачем, и душу переполняет счастье от утоленной детской ревности. А вот другое воспоминание-тайна. О том, как он скидывает с моста в несущуюся стремнину реки соседского мальчишку, с которым его отправили на прогулку.

Об этом Сальвадор никогда никому не рассказывал. Даже Галючке. Но ей и не нужно было ничего рассказывать. Подруга и сама о нем все знала. Вместе с Галючкой они прекрасно проводили время, лазая по всему дому и обследуя самые запретные уголки. И повсюду девочка

находила незаконченные рисунки своего дружка. Как-то, забравшись на чердак, они оказались в заброшенной прачечной, посреди которой стояла старая ванна.

– Хорошее место, чтобы поиграть! – обрадовался Сальвадор.

– Отличное место для работы, – откликнулась Галючка. – Я не буду с тобой играть до тех пор, пока ты не закончишь все свои рисунки!

– А потом мы поиграем?

– Ну конечно!

– А во что?

– В кузнечика с рыбьей головой. Ты ведь любишь кузнечиков?

Сальвадор задумался. Кузнечиков он действительно любил, но возникший перед глазами рыбоголовый монстр вызвал у него брезгливую дрожь, переходящую в панический ужас.

– Не хочу так играть! – капризно протянул он, передернувшись от отвращения. – Хочу в короля!

Эта игра была самая любимая. Скинув одежду на пол, обнаженный Сальвадор накидывал на худенькие плечики горностаевую мантию, на голову водружал почти настоящую корону – карнавальный костюм, подаренный родней нежно обожающей его матушки. И так, голышом, в короне и со скипетром, разгуливал он по дому, любясь на себя во все встречающиеся на пути зеркала и произнося тронные речи, которые увековечат его перед человечеством. В эти минуты всепоглощающая мания величия боролась в нем с патологической застенчивостью. Матушка, донья Фелипа, пострадавшая после смерти первого ребенка, воспринимала все его чудачества как милые детские шалости. К тому же, что ни говори, семейная паранойя так или иначе присутствовала у всех Дали, и с этим приходилось считаться.

В семье трагическим шепотом частенько упоминали о том, что дед мальчика, дон Гало Дали Винас, покончил с собой, не сумев справиться с порывами трамонтаны. Затем свел счеты с жизнью и старший сын дона Гало, родной дядюшка мальчика Сальвадора. Каждый, живущий в этих краях, знает, что несущийся сквозь горы неистовый ветер, не утихающий по восемь-десять дней, обладает такой силой, что срывает с рельсов составы поездов и делает людей неуравновешенных и вовсе безумными. «Тронутыми трамонтаной». Опасаясь возможной депрессии, донья Фелипа потакала любым капризам сына, стараясь во всем угождать избалованному мальчику, ибо любой запрет вызывал у Сальвадора Фелипе длительный приступ истерики. Где бы его ни застигал отказ, мальчик опрокидывался навзничь, катался по земле или полу, сучил ногами и требовал немедленно исполнить его желание.

– Мы будем играть в короля?

Тишина на чердаке заставила юного Дали оглянуться в поисках Галючки. Мятые корыта, ржавые тазы, стиральные доски – в этом уютном местечке валялся разный старый хлам, но подружки не было.

Мальчик робко позвал:

– Гала! Где ты? Галючка!

Но в ответ услышал лишь сдавленный смешок, как будто бы кто-то ужасно хочет рассмеяться, но изо всех сил сдерживается, зажимая себе рот ладонями.

– Я знаю, ты здесь! – обиженно выкрикнул мальчик, вслушиваясь в тишину в надежде на новый взрыв девичьего смеха.

Так и не дождавшись ответа подружки, не на шутку испугавшийся Сальвадор кинулся вниз по лестнице, вбежал в комнату матушки и зачастил:

– Пожалуйста, мама, прошу вас! Позвольте мне сделать из прачечной на чердаке студию! Мне очень, очень нужно! Ну пожалуйста!

– Да, сердце мое! Пусть это будет студия! – легко согласилась донья Фелипа, целуя сына в темноволосую макушку, которую каждое утро заботливо расчесывала серебряным гребнем и опрыскивала духами. – Все, что ты пожелаешь, любимый!

Тут же отправленная на чердак прислуга вытащила оттуда весь старый хлам, собрав по дому и разложив на специально принесенном наверх столе все незаконченные работы молодого дарования. Туда же принесли закупленные в лавке художественных принадлежностей мольберты, кисти, краски. Все это богатство поступило в полное распоряжение юного Дали. Ванну, что стояла в углу чердака, хотели вынести, но новый владелец студии не позволил этого сделать.

На следующее утро Сальвадор Фелипе, спасаясь от жары, сидел обнаженный в заполненной прохладной водой ванне и дописывал начатый ранее натюрморт, рассчитывая на то, что Галючка, притаившись в уголке, во все глаза смотрит на него. Он принимал горделивые позы, исполненные величия, и представлял, как шикарно выглядит со стороны. В том, что он невероятно красив, Сальвадор ни минуты не сомневался и, любуясь собой как бы глазами Галючки, ласкал себя в самых сокровенных местах, испытывая болезненно сладостное удовольствие, смешанное с нестерпимым стыдом. И, желая ускорить их свидание, он работал как одержимый, стараясь сделать как можно больше и как можно лучше, черпая художественные навыки из книг по искусству.

Галючка вернулась тогда, когда последняя из начатых давным-давно картин была закончена. Подружка поднялась по лестнице следом за отцом, который привел в студию дон Пухоль.

– Тут есть на что посмотреть, – прищелкнул языком мэр Фигераса, внимательно разглядывая работы мальчика.

Приблизившись к стеллажам, гость взял с полки один из томиков полного собрания книг по искусству издательства «Гованс и Грей», состоящего из пятидесяти двух томов и включающего в себя черно-белые иллюстрации великих мастеров живописи с сопроводительными статьями, зачитанными юным Сальвадором до дыр. Дон Пухоль вернул на место замусоленную книжицу и с видом знатока заметил:

– Чувствуется, что на нашего художника оказали влияние Модесто Ургель, Мон Пичот и Мариано Фортунни.

И, обернувшись к зардевшемуся от удовольствия нотариусу, добавил:

– Думаю, помещение театра «Принсипал» отлично подойдет для первой выставки Сальвадора. И, знаете что, дорогой мой сеньор Дали-и-Куси, я ни минуты не сомневаюсь, что когда-нибудь у вашего сына, известного во всем мире художника Сальвадора Дали, будет свой музей.

Галючка, приглашая к игре, выглянула из-за спины дон Пухоль, хихикнула и показала юному Сальвадору язык.

Испания, июнь 2015 года

В Фигерас Биркины прибыли ближе к обеду. Городок оказался небольшой, и объехать его получилось бы менее чем за два часа. Главной его достопримечательностью был, как и следовало ожидать, театр-музей Сальвадора Дали. Очередь из желающих приобщиться к сокровищам сюрреализма начиналась от старинного собора Святого Петра и тянулась змеей по всей улице, упираясь в двери музея. Кристина окинула взглядом томящихся на солнце людей и сразу же увидела знакомые лица.

– Ой, Прохор, смотри! Маринка Абрамова, мы вместе учились в институте! – воскликнула она, указывая мужу на невзрачную шатенку, застывшую в хвосте бесконечной очереди. – И рядом с ней профессор Горидзе! Знаешь, как мы его называли? Мышиный жеребчик.

– Почему жеребчик? – проследив за изящной ручкой жены, удивился Прохор. – И почему мышиный?

– Вот видите, дорогой мой любитель соцреализма, как плохо не знать классики? – радостно блестя голубыми глазами, уличила мужа Кристина. – Мышиный жеребчик – это выражение из гоголевских «Мертвых душ». А это, между прочим, школьная программа! – Она прикрыла глаза и нараспев процитировала: – «Чичиков непринужденно и ловко разменялся с некоторыми из дам приятными словами, подходил к той и другой дробным, мелким шагом, или, как говорят, семенил ножками, как обыкновенно делают старички-щеголи на высоких каблуках, называемые мышиными жеребчиками, забегающие весьма проворно около дам». Том первый, глава восьмая.

– Это потому ты такая культурная, что выросла у стен Кремля, – покаянно свесил на грудь курчавую голову Прохор.

– Это потому я культурная, что учительница литературы, старая гримза, заставляла нас учить «Мертвые души» наизусть, – рассмеялась Кристина. – За что я ей премного благодарна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.